

Шестакова Е.Е.

Социальная политика в интересах развития человеческого потенциала: мировой опыт

Шестакова Елена Евгеньевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, РФ.

E-mail: EEShestakowa@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [8503-3161](https://elibrary.ru/8503-3161)

Аннотация

В периоды глобальной нестабильности возрастает роль государства как регулятора социальных отношений и социальной поддержки граждан. В статье анализируется ряд сложных социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются современные западные государства, которые сформировались еще до возникновения текущего коронавирусного кризиса и частично усилились в процессе его развития: углубление социальной стратификации, рост масштабов неустойчивой занятости, зарплатного и доходного неравенства, коммерциализация социальной сферы, изменение параметров бедности. Делается вывод, что в ходе поиска способов частичной компенсации потерь и сглаживании негативных эффектов от социально-экономических ограничений «ковидного» карантина и его последствий проявился запрос на изменение форм регулирования социальных отношений и социальной поддержки в пользу более универсальных моделей и расширение объема услуг, которые государство призвано предоставлять гражданам или активно участвовать в их организации. Только система социальных пособий, включая бюджетные и страховые их виды, неспособна решить весь комплекс задач, с которыми сталкиваются граждане, оказавшиеся в экстренной ситуации. Экономическая недоступность целого ряда услуг является причиной формирования замкнутого круга материальной зависимости и социальной нестабильности и ведет к утрате человеческого капитала. Основное внимание уделяется рассмотрению таких факторов обеспечения устойчивого социального развития и повышения качества трудовых ресурсов, как государственная поддержка раннего развития детей, обеспечение доступности всех уровней образования, вопрос медицинского и долговременного социального обслуживания лиц, нуждающихся в постороннем уходе. Отдельно рассматриваются и такие ключевые направления государственной поддержки, играющие важную роль в обеспечении социальной мобильности, квалификационного роста и повышения статуса здоровья, как жилищная обеспеченность и доступ к качественным современным коммунальным, транспортным и цифровым услугам.

Ключевые слова

Социальная политика, социальные услуги, человеческий капитал, гарантированный минимальный доход, социальная мобильность.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-167-188

Shestakova E.E.

Social Policy for Human Development: World Experience

Elena E. Shestakova — PhD, Leading researcher, Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

E-mail: EEShestakowa@gmail.com

Abstract

In the period of global instability, the role of the state as a regulator of social relations and social support increases. The article analyzes complex socio-economic problems faced by modern Western states, that were formed even before the current coronavirus crisis and partially intensified by it: deepening of social stratification, the growth of unstable employment, wage and income inequality, the commercialization of the social sphere, changes in the parameters of

poverty. It is concluded that in the course of searching for ways to partially compensate for losses and smooth out the negative effects of the socio-economic restrictions of COVID quarantine and its consequences, there was a request to change the forms of regulation of social relations and social support in favor of more universal models and expanding the scope of services that the state is called upon to provide citizens or actively participate in their organization. The system of social benefits, including their budget and insurance types, is unable to solve alone the whole range of problems faced by citizens who find themselves in an emergency situation. Economic unavailability of a whole range of services is the reason for the formation of a vicious circle of material dependence and social instability, leading to loss of human capital. The main attention is paid to considering such factors as ensuring sustainable social development of children, ensuring access to all levels of education, issues of medical and long-term social services for people in need of outside care. The key areas of state support that play an important role in ensuring social mobility, professional growth and improving the health status, such as housing security and access to high-quality public utilities, transport and digital services are also considered separately.

Keywords

Social policy, social services, human capital, guaranteed minimum income, social mobility.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-167-188

Введение

Современный мир живет в период высокой степени неопределенности. Социально-экономические последствия одних изменений, например высоких темпов старения населения или трансформации модели семейных отношений, можно спрогнозировать с относительно высокой степенью вероятности, других, таких как результаты цифровой революции, изменения на рынке труда, введение тотального контроля потребительского поведения, — с существенно меньшей вероятностью, третьи, в частности влияние пандемии коронавируса, вызванные ею внутренние ограничения и внешние шоки, вообще относятся к категории непредсказуемых. Еще не завершившийся медико-экономический кризис 2020 г. обострил вопросы социальной стратификации, доступности качественных услуг, нестабильности материального положения значительной части населения. На данный момент сложно однозначно определить, сохранится ли действие допандемических тенденций последних лет или экономически развитые страны ждут серьезные изменения социальной и общественной жизни.

Старые и новые социальные вызовы

Современное западное государство благосостояния, включая все его региональные модификации (англо-саксонский, северо-, центрально- и южноевропейский, а в последние годы и восточноевропейский вариант) уже длительное время переживает процессы, ведущие к возникновению новых социальных вызовов и рисков, среди которых коммерциализация социальной сферы, видоизменение бедности, рост социального неравенства и блокировка социальной мобильности, повышение

нестабильности положения и углубление дифференциации внутри среднего класса. Традиционные уязвимые группы (пожилые очень преклонного возраста, инвалиды, мигранты, лица с низким уровнем образования, многодетные) по определению находятся в менее благоприятной ситуации, чем все население. Они могут быть лишены нормального жилья, сталкиваться со сложностями при трудоустройстве, при получении доступа к социальным услугам, и именно этим категориям государство привыкло помогать. Пандемия коронавируса продемонстрировала серьезную уязвимость семейных доходов части небедного населения и ограничения действующих институтов государства благосостояния.

Доля населения стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), живущего в домашних хозяйствах, чьи располагаемые доходы ниже уровня бедности (50% медианных доходов или находящиеся в состоянии риска монетарной бедности), составляет 14%, но еще 36% населения не располагает активами, достаточными для существования в течение по крайней мере 3 месяцев [Balesta, Tonkin 2018, 7]. Иллюстрацией увеличения концентрации богатства является снижение в течение последних 10 лет доли трех нижних по доходам квинтильных групп (60% населения): в США их доля составляет 2,4% в общей структуре активов населения, в Германии — 6,5%, Франции — 12,1%, а 10% наиболее обеспеченного населения составляет соответственно 79,5%, 59,8% и 50,6% [Balesta, Tonkin 2018, 15].

Многофакторная природа неравенства проявляется в существовании «вязких», крайне слабопроницаемых верхних и нижних границ социальной структуры. Хотя основные абсолютные параметры, характеризующие уровень жизни населения (медианные доходы, уровень образования, качество медицинских услуг, жилищные условия), в среднем улучшаются, но усиливается торможение межпоколенческого и внутривозрастного изменения социального статуса [Hassler et al. 2017]. Только четверо из 10 молодых людей, чьи родители не получили полного среднего образования, сами заканчивают среднюю школу или профессиональное училище, и только 1 из 10 получает диплом о высшем образовании¹. В среднем в странах ОЭСР, по оценкам, для перехода из нижней квинтильной группы по доходам в медианную требуется 4–5 поколений. С 90-х годов прошлого века прослеживается четкая тенденция консервирования доходных позиций прежде всего в крайних частях доходного спектра.

¹ A broken social elevator? How to promote social mobility. Overview and main findings. P. 26 // OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/broken-elevator-how-to-promote-social-mobility_9789264301085-en (дата обращения: 10.02.2021).

В середине 2010-х гг. 58% лиц, принадлежащих к нижним 20% населения, оставались в таком положении в течение 4 лет, для верхнего квинтиля — 70% (в конце 90-х гг. этот параметр составлял соответственно 53% для наиболее бедной 1/5 населения и 65% для наиболее богатой 1/5 части) [Ibid., 32].

Негативным и вызывающим серьезную озабоченность явлением стало углубление дифференциации и усиление нестабильности середины доходного спектра. Если исходить из упрощенного подхода к определению среднего класса, основанного только на доходных характеристиках (без учета других взаимосвязанных параметров, таких как социально-экономический статус, уровень образования и квалификации), то к данной группе относятся лица, проживающие в домашних хозяйствах со среднедушевыми доходами в пределах 75–200% от национальных медианных. В структуре представителей среднего класса с середины 90-х годов до середины 2010-х с 41% до 32% снизилась доля лиц со средним и средним специальным образованием и, соответственно, выросла доля с высшим — с 35% до 47% [Salvatory, Manfredi 2019, 9]. Наиболее высок риск снижения социального статуса у представителей нижней средней группы (75–100% медианного дохода), в течение четырехлетнего периода 15–20% из них попадает в более низкую доходную группу. В целом, согласно исследованиям, в 24 странах ОЭСР, по которым есть соответствующие данные, 47% домашних хозяйств, относящихся к среднему классу, являются финансово уязвимыми, то есть неспособны осуществлять непредвиденные расходы и не могут противостоять неожиданному, даже кратковременному, снижению доходов². Меняются и модели семейных отношений: для сохранения стабильного финансового положения семье со средним достатком все чаще требуется полная занятость обоих взрослых членов семьи. Например, в Дании и Швеции в 70% семей с детьми до 14 лет работают полное рабочее время оба родителя, а в среднем в ОЭСР в 45% семей с детьми оба родителя работают полное рабочее время и в еще 15% один занят полное, а второй — сокращенное время³.

Во всех экономически развитых странах действует определенная система оказания материальной поддержки лицам, оказавшимся в состоянии бедности и материальных лишений, прежде всего специальные пособия по бедности или гарантированный минимальный доход. Применяется достаточно широкий спектр схем

² Under Pressure: The Squeezed Middle Class. P. 125 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/els/soc/OECD-middle-class-2019-main-findings.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).

³ Promoting an age — inclusive workforce living, learning and earning longer. P. 35 // OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/promoting-an-age-inclusive-workforce_59752153-en (дата обращения: 10.02.2021).

обеспечения минимального дохода: от простых общих схем, открытых для всех категорий граждан, которые по тем или иным причинам оказались не в состоянии содержать себя и свою семью, до сложных сочетаний различных категориальных пособий. При этом лишь небольшое число национальных схем гарантирования минимального дохода обеспечивает относительно высокий уровень поддержки дохода, основное их назначение — снижение наиболее острых проявлений, а не кардинальное сокращение бедности. В европейских странах размеры данных выплат на одного получателя в зависимости от «щедрости» систем колеблются от 24% до 70%–80% от уровня бедности, принятого в Европе (60% от медианного национального дохода), и в целом ряде европейских государств не достигают условного уровня нищеты (40% медианного дохода)⁴. Так как схемы минимальных доходов предназначены для покрытия основных базовых расходов, считающихся необходимыми, то в наиболее «щедрых» схемах в них включаются такие составляющие, как расходы на жилье и коммунальные услуги, расходы, связанные с особыми условиями, например наличием детей или инвалидностью. Тем не менее во многих европейских странах признается, что эти пособия не покрывают значительной части необходимых трат, поэтому после оценки нуждаемости они дополняются другими выплатами. С другой стороны, жесткий адресный подход и сложные правила отбора, недостаток информации у потенциальных получателей о действующих системах помощи и влияние эффекта стигматизации лишают многих нуждающихся в социальной защите необходимой материальной поддержки [Browne, Immervoll 2017, 15]. Согласно проведенным исследованиям, во Франции не получают пособия по гарантированному минимальному доходу около половины бедного взрослого населения с доходами менее 40% медианных, в Германии и Великобритании не менее трети лиц, которые по формальным признакам могли бы претендовать на данную денежную помощь, ее не получают [Marchal et al. 2020, 25]. Кроме того, такой тип материальной поддержки, как пособия по минимальному доходу, или другие виды пособий с оценкой нуждаемости не предназначены для поддержки представителей среднего класса, обладающих определенным личным имуществом, которые оказались в состоянии невозможности покрывать текущие жизненные расходы в условиях искусственного ограничения или прекращения трудовой деятельности из-за пандемии.

⁴ Frazer H., Marlier E. Minimum Income Schemes in Europe. P. 23 // European Economic and Social Committee [Электронный ресурс]. URL: https://www.eesc.europa.eu/resources/docs/minimum-income-schemes-across-eu-member-states_october-2009_en.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

Относительно новой тенденцией, связанной с ростом масштабов неустойчивой занятости и расширением таких ее форм, как заемная и платформенная рабочая сила, «0-часовые» контакты, гиг-экономика, стало увеличение категории работающих бедных, а именно низкооплачиваемых работников, получающих менее 2/3 медианной заработной платы, и работников с малой интенсивностью труда (ниже 50% от полной занятости). За последние 10 лет наибольшее число рабочих мест в высокоразвитых странах было создано в секторе услуг с низкой производительностью труда, многие на неполное рабочее время⁵. Общим трендом в последние годы было и сокращение защищенности трудовых контрактов, внедрение новых форм трудовых договоров, ограничивающих юридические и финансовые издержки работодателей при их прекращении.

Хотя ситуация еще далека от разрешения и пока сложно делать окончательные выводы, тем не менее ясно, что кризис, связанный с пандемией COVID-19, особенно сильно ударил по низкооплачиваемым работникам и тем самым увеличил зарплатное и доходное неравенство. Экономически развитые страны потратили огромные средства на меры по частичной компенсации потерь и сглаживанию негативных эффектов ограничения масштабов экономической деятельности, включая временное субсидирование заработной платы и неполной занятости, расширение охвата и увеличение размеров выплат пособий по безработице и болезни, отсрочку выплат по страховым и налоговым платежам, оказание натуральной помощи. Зарплатные субсидии широко использовались в странах Европы для предотвращения массовых увольнений и способствовали компенсации около половины потерь заработной платы работников, связанной с прекращением работы или сокращением рабочих часов. Но самым значимым компонентом стала помощь бизнесу в различных ее формах: прямой государственной помощи, льготных кредитов и займов, снижения налогообложения и страховых платежей. Децильный коэффициент по зарплатам в середине 2020 г., по сравнению с доковидным периодом, например, в Испании, увеличился с 23 до 36 раз, в Великобритании — с 20 до почти 28⁶ (Таблица 1).

⁵ World employment and social outlook. Trends 2020. P. 24 // ILO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_734455.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

⁶ Global wage report 2020-21. Wages and minimum wages in the time of COVID-19. P. 50 // ILO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_762534/lang--en/index.htm (дата обращения: 10.02.2021).

Таблица 1. Изменение доли фонда оплаты труда, получаемого менее оплачиваемыми 50% наемных работников в период I и II квартала 2020 г. и соответствующего периода 2019 г. (в %)⁷

Регион	До пандемии	После начала пандемии
Северная Европа	30,0	28,4
Южная Европа	26,4	21,9
Западная Европа	25,2	22,1
Восточная Европа	28,2	25,1

Рост неравенства, блокировка социальной мобильности, расширение такого относительно нового для западной практики явления, как работающие бедные, усиливают внимание к вопросам направленности перераспределительной политики государства, определения оптимальной роли государства в современном обществе, форм регулирования социальных отношений и социальной поддержки, объема благ и услуг, которые оно должно предоставлять гражданам, и необходимых для этого средств. Поддержка уровня жизни населения, снижение высокого уровня неравенства и укрепления социальной интеграции, обеспечение эффективного и рационального использования средств, выделяемых на социальное развитие, являются основным функциями государства в социальной сфере [Barr 2012].

Перераспределение ресурсов в обществе происходит на базе различных принципов и по различным направлениям. В структуру государственных социальных расходов включаются денежные пособия, социальные услуги и льготное налогообложение с социальными целями, например снижение налогов и предоставление налоговых кредитов семьям с детьми, льготное налогообложение страховых выплат и др. Поскольку менее обеспеченные группы населения вообще не платят или платят мало налогов, то налоговые льготы в большей степени используются обеспеченными группами населения. Основным инструментом перераспределительной политики государства выступают денежные трансферты, подоходные налоги и страховые взносы. В среднем по 22 странам ОЭСР, по которым есть достаточно полная информация, нижние 10% населения получают в виде трансфертов 55% располагаемых доходов, а выплачивают в виде налогов и страховых платежей 12% доходов, пятая децильная группа (середина доходного ряда) получает через трансферты 18% доходов, в том числе 10% в виде страховых выплат, а выплачивает 24% [Causa, Hermanse 2017, 19]. Развитые страны

⁷ Источник: Global wage report 2020-21. Wages and minimum wages in the time of COVID-19. P. 47 // ILO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_762534/lang-en/index.htm (дата обращения: 10.02.2021).

в среднем тратят на денежные выплаты больше, чем на финансирование услуг, в том числе на здравоохранение. Так, в странах Южной Европы (Италии, Португалии, Греции) более 70% государственных социальных расходов идет на денежные выплаты. Во Франции, западном лидере по уровню государственных социальных расходов, на денежные трансферты идет 19,3% ВВП, на финансирование социальных услуг — 11,6% ВВП, но в данные государственные социальные расходы не включаются расходы на образование⁸.

Роль сектора социальных услуг в развитии человеческого потенциала

Исключительно важную роль в процессе перераспределения играют натуральные трансферты (медицинские, образовательные услуги, уход за детьми и пожилыми, социальное жилье) и более широко область общественного социального инвестирования. К ключевым сферам социального инвестирования относятся качественный уход за малолетними детьми и их обучение, образовательная и профессиональная подготовка детей и молодежи, меры активной политики на рынке труда и обучение в течение всей трудовой жизни, медицинские и социальные услуги, включая долговременное обслуживание пожилых, обеспечение доступным жильем и коммунально-бытовыми и транспортными услугами. Среди современных подходов к теории государства благосостояния, наряду с либеральными теориями регулирующего и способствующего государства, исходящими из низкой эффективности государственных социальных расходов и делающими основной акцент на поддержке социальных сетей и стимулировании экономической и социальной активности граждан, разрабатывается и концепция государства социальных инвестиций (*social investment state*). В данной теоретической постановке подчеркивается ограниченность чисто рыночных решений большинства социальных проблем и необходимость интеграции социальной и экономической политики, активного участия государства в корректировке провалов рынка и одновременно стимулирование развития экономики с помощью вложений в человеческий капитал.

Для оценки величины и эффективности социальных инвестиций важно не только измерение расходов и денежных потоков, но и эквивалентное определение барьеров и действующих условий для предполагаемой реализации гражданами своих возможностей. Определенная отдача от данных социальных вложений может проявиться

⁸ Social Expenditure Update. 2019. Public social spending is high in many OECD countries. P. 3 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/social/expenditure.htm> (дата обращения: 10.02.2021).

достаточно быстро, если, например, работник после прохождения курсов повышения квалификации находит новое рабочее место или возвращается на рынок труда в результате получения возможности пользоваться формальными услугами по уходу за пожилым родственником. Отдача от других может проявиться через много лет.

Так, важным фактором обеспечения социально устойчивого развития и повышения качества трудовых ресурсов в перспективе является инвестирование в систему поддержки раннего развития детей, которое в значительной степени может определять их дальнейшие успехи в школьном и профессиональном образовании и построении трудовой карьеры. Основными задачами государства в этой сфере выступают повышение доступности и качества ухода и раннего обучения, особенно для детей из семей с низким социальным статусом, а также адаптирование налоговой системы для снижения сдерживающего эффекта для выхода на рынок труда второго работника в семье, достижения сбалансированного сочетания занятости и выполнения семейных обязанностей для родителей с маленькими детьми.

Доступ к услугам по уходу за маленькими детьми в значительной степени определяет разницу в занятости женщин, но определенное влияние оказывают и другие факторы, в том числе семейная политика, положение на рынке труда, культурные нормы. В ЕС средние показатели занятости женщин с детьми до 6 лет составляют около 65% (без детей — 79%), но в Швеции и Нидерландах фактически нет никакой разницы в показателях занятости женщин с детьми и без детей, а в Восточной Европе эта разница превышает 45–50%. Исследования показывают, что социальные инвестиции в детские учреждения и «дружественная политика» в отношении работающих женщин на рынке труда значительно более благоприятно воздействуют на предполагаемые доходы женщин, чем длительные отпуска и пособия по материнству [Olivetti, Petrongolo 2017]. Правда, есть и другая точка зрения: критики «соглашательской» социальной политики считают, что она углубляет сегрегацию женщин в более лояльных к семье и семейным обязанностям структурах (таких как организации и учреждения госсектора), не затрагивая другие категории рабочих мест и не решая конфликт семьи и работы на основе изменения распределения гендерных ролей [Korpi et al. 2013].

Вложения в раннее развитие призваны оказывать позитивное влияние не только на самих детей и их семьи, прежде всего на матерей, но и на общество в целом, включая фискальную устойчивость и даже демографическое положение стран. Правда, здесь возникает определенное противоречие: средний уровень использования формального ухода за детьми существенно выше у высокодоходных семей. На уровне ЕС услугами

яслей (для детей до 3 лет) пользуются чуть более 18% семей из нижней квинтильной группы по доходам с детьми данного возраста, среди представителей верхней группы (20% с наиболее высокими доходами) — более 42% (в расчете на эквивалент полного времени использования, 30 часов в неделю на ребенка). В более старшей возрастной категории (от 3 лет до поступления в школу) уровень использования выше, но существенный разрыв сохраняется: 45% для первого квинтиля и 70% для пятого⁹. В результате проявляется так называемый эффект Мэтью (Матфея), или феномен неравного распределения преимуществ, при котором преобладающая их часть достается более обеспеченным группам [Pavolini, Van Lancker 2018].

Доступ к услугам по уходу может быть ограничен в силу разных причин: экономических, территориальных, несоответствия качественных и временных параметров. Но главной причиной неиспользования услуг детских учреждений, согласно опросам, являются экономические, на них ссылаются почти половина респондентов, а около трети из тех, кто пользуется данными услугами, отмечают их серьезную нагрузку для семейного бюджета. В более широком плане при определении стоимости для семьи услуг детских учреждений важно учитывать не только размеры оплаты самих услуг, но и уровень возможной заработной платы (если родитель возвращается на рынок труда), налоговые выплаты с заработков, предполагаемую потерю трансфертов. Согласно расчетам, потери дополнительных брутто доходов от занятости (participation tax rate, PRT) из-за более высоких налогов, сокращения пособий и оплаты ухода в детских садах для низкодоходных семей составляют, по данным на 2018 г., в Великобритании 80%, Франции и Германии — 50–55%, в Испании — 22%¹⁰.

Столь высокие потери предполагаемых доходов от занятости при использовании услуг по уходу за детьми в Великобритании связаны с особенностями организации и высокой стоимостью данных услуг в стране. В целом государственное финансирование детских дошкольных учреждений в большей степени децентрализовано, чем другие уровни системы образования. В среднем государство покрывает 70% расходов на дошкольное образование и уход, исключение в этом плане составляют Великобритания и Япония, где более 40% составляют частные расходы. В основном государство финансирует детские учреждения для детей с 3 лет и старше, только в 7 странах, в том числе Германии, Дании, Финляндии, места для всех детей гарантируются фактически с

⁹ Employment and social developments in Europe. 2019. Sustainable growth for all: choices for the future of social Europe. P. 134 // Publication office of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/747fefa1-d085-11e9-b4bf-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 10.02.2021).

¹⁰ Там же. С. 133.

рождения. Могут использоваться и ограничения гарантий по длительности ухода, например, в Швеции и Австрии — до 20 часов в неделю, большая длительность должна дополнительно оплачиваться родителями.

Практика регулирования стоимости услуг по уходу за детьми очень разнообразна: одни государства устанавливают низкие ставки оплаты за счет субсидирования деятельности детских учреждений из бюджетных средств (Австрия, Италия), в других высокая стоимость услуг нивелируется высокими пособиями на уход (Словения), в третьих применяется и субсидирование организаций, и выплата пособий для наиболее уязвимых групп, но разница в доле расходов на эти цели от располагаемых доходов семей по странам очень значительная: от 1–3% до 15% и более, включая низкодоходные группы. В сравнительном плане с точки зрения повышения уровня охвата и расширения возможностей занятости для родителей лучше действует система изначально невысокой оплаты, чем схемы выплаты различных пособий.

Следующий уровень поддержки — образование детей и молодежи. Инвестиции в образование и получение квалификации рассматриваются как путь повышения конкурентоспособности и производительности труда, оказывающий позитивное влияние на работников, общество и экономику в целом. Для работника это более успешный старт на рынке труда, где более высокий уровень формального образования положительно коррелирует с более высоким уровнем занятости, большим соответствием рабочего места с полученной профессией и более высокой заработной платой. С точки зрения экономики и общества образование и профессиональная подготовка повышает человеческий капитал, чем способствует росту производительности и экономическому развитию, при этом обеспечивает повышение занятости и снижение расходов на социальные пособия, поддержку общественных финансов, продление трудовой жизни и др. Уровень занятости лиц без среднего образования в Европе составляет, по данным на 2017 г., менее 60%, со средним и средним специальным образованием — около 70%, а с высшим — более 80%. Что касается заработной платы, то, по расчетам, в 27 странах, входящих в ЕС, при прочих равных условиях (тип контракта, количество часов работы, профессия, опыт, возраст, пол) наличие полного среднего образования способствует увеличению реальной почасовой заработной платы на более чем 16% по сравнению с лицами, его не имеющими, разница в почасовой заработной плате работников с высшим и средним образованием составляет около 45%¹¹. На длительность, направление, качество обучения влияют различные факторы, в том числе условия рынка труда,

¹¹ Employment and social developments in Europe. 2019. Sustainable growth for all: choices for the future of social Europe. P. 138 // Publication office of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/747fefa1-d085-11e9-b4bf-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 10.02.2021).

экономическая и семейная ситуация. Для успешного участия в современной экономике минимальным требованием становится получение полного среднего или среднего специального образования.

Среди многочисленных целей в области образования, которые планировалось достигнуть в ЕС к 2020 г., было сокращение до уровня менее 15% функционально неграмотных молодых людей в возрасте 15 лет (по данным исследований International Student Assessment PISA), снижение до отметки менее 10% доли лиц в возрасте 18–24 лет, которые не получили полного среднего или среднего специального образования, и повышение до 40% доли лиц в возрастной категории 30–34 года, имеющих высшее образование. Средние европейские показатели укладываются в эти целевые параметры. Но данные результаты были достигнуты далеко не всеми европейскими странами: по некоторым направлениям, в том числе доле учащихся, не прошедших базовых тестов по математике и научным дисциплинам, или бросающих среднюю школу молодых людей, которые в наибольшей степени подвержены рискам социальных девиаций, безработицы и зависимости от государственной социальной помощи, отмечается существенный разброс.

В первоочередные задачи государства входит формирование программ возвращения молодых людей, которые прервали формальное обучение, особенно из малообеспеченных, социально неблагополучных семей, а также лиц с ограниченными возможностями здоровья в систему образования, включая сокращенные программы профессиональной подготовки, востребованные в экономике. Ранний опыт трудоустройства во многом может предопределять профессиональную траекторию, а молодежная безработица формирует дополнительные риски в области социальной мобильности и снижения качества человеческого капитала. Среди молодых европейцев с ограничениями по здоровью доля рано прекращающих образование составляет более 23%, что считается одним из основных барьеров для их интеграции в рынок труда и возможности адаптироваться к технологическим изменениям. Хотя за последние 10 лет доля молодых людей с инвалидностью в возрасте 30–34 года, получивших высшее образование, выросла на 10% и составила 30,3%, разрыв с показателями по всей возрастной группе не уменьшился (42,2% граждан ЕС в возрасте 30–34 лет имеют высшее образование)¹².

¹² Employment and social developments in Europe. 2019. Sustainable growth for all: choices for the future of social Europe. P. 56 // Publication office of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/747fefa1-d085-11e9-b4bf-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 10.02.2021).

Государственные средства покрывают большую часть расходов (до 90%) на начальное, среднее и среднее специальное образование, и в среднем по странам ОЭСР на этот уровень расходуется 3,5% ВВП, на высшее образование — соответственно 68% и 1,4% ВВП¹³. Расходы на образование сами по себе не гарантируют достижение высокого уровня знаний и компетенций учащихся. Но наиболее высокие показатели результатов тестов по математике и научным дисциплинам, как и в целом повышение когнитивных умений учащихся, показывают государства с высоким уровнем экономического развития и финансирования образования, включая создание систем общедоступных образовательных ресурсов для детей и молодежи (Япония, Дания, Финляндия).

В целом выходящие на рынок труда поколения существенно лучше образованы, чем их предшественники. В среднем в странах ОЭСР в возрастной категории 25–34 года не имеют полного среднего образования 15%, среди лиц в возрасте 55–64 года с такой подготовкой — 31%, а соотношение лиц с высшим образованием составляет 45% и 28% в пользу более молодых¹⁴. Правда, в системе высшего образования сохраняется высокий уровень социальной стратификации: молодежь из семей с низким социально-экономическим статусом имеет гораздо меньше возможностей закончить высшее учебное заведение. В этом плане государственные расходы на высшее образование дают непропорционально значительные выгоды для лиц с более высокими доходами. Тем не менее государственные инвестиции в высшее образование являются критически важным фактором в период быстрых технологических изменений, когда растущая доля перспективных рабочих мест будет нуждаться в специалистах с высшим образованием.

В экономически развитых странах используются разные подходы к предоставлению финансовой поддержки студентам и распределению стоимости высшего образования между государством, студентами, их семьями и частными структурами. В трети стран ОЭСР нет платы за обучение в государственных вузах (как правило на бакалавриате), еще в трети годовая стоимость курса не превышает 2 тыс. долл. Для финансовой поддержки студентов используются студенческие кредиты и гранты, в государствах Северной Европы ими пользуются 80–90% обучающихся, а в таких государствах, как Бельгия, Австрия, Швейцария, — менее 20%¹⁵. В последние

¹³ Education at a glance 2020. OECD Indicators. P. 296 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/> (дата обращения: 10.02.2021).

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ Там же. С. 328.

годы часть государств (Италия, Греция, Португалия) предприняли ряд реформ по повышению уровня доступа к высшему образованию, прежде всего выходцев из менее благополучных семей. В других разрабатывались и внедрялись программы поддержки выпускников профессиональных училищ и вузов при выходе на рынок труда, включая организацию практики на крупных предприятиях, частичное софинансирование зарплаты выпускников, расширение прикладных курсов в период обучения. Связанные с пандемией кризисные явления на рынке труда, потеря студентами доходов, которые обеспечивали их обучение и жизнедеятельность, снизили востребованность программ высшего образования, особенно более длительных.

В условиях быстрого развития технологий и повышения волатильности на рынке труда даже высокий уровень формального образования перестает быть ключевым фактором сохранения рабочего места и получения высоких доходов. Условием обеспечения занятости на высокопроизводительных рабочих местах становится непрерывное образование и обновление своих профессиональных знаний и компетенций.

Наиболее распространенной формой образования взрослого населения является неформальная профессиональная подготовка на рабочем месте, спонсируемая работодателем. Согласно данным обследования образования взрослого населения (Adult Education Survey, ADS), 44% работников участвовали хотя бы в одной программе повышения квалификации или расширения профессиональных знаний, инициированных работодателем, и только 9% занятых обучались самостоятельно (как правило более интенсивно и длительно) вне запланированных в организации программ. В среднем для работодателей стоимость неформального или неформализованного обучения на работе составляла в зависимости от размеров организации 1,5–2% стоимости рабочей силы¹⁶.

Под влиянием цифровизации и аддитивных технологических трансформаций меняются и модели трудовой жизни: снижается стабильность занятости (длительность нахождения на одном рабочем месте), увеличивается вероятность перерывов в занятости, перехода от наемного труда к самозанятости, сокращается доля среднеквалифицированных рабочих мест. По прогнозам экспертов ОЭСР, в течение ближайших 15–20 лет в результате автоматизации исчезнет порядка 17% рабочих мест и еще 32% радикально изменятся. Уже сейчас, согласно опросам (база данных 2018 г. OECD Skills for jobs), около 36% занятого населения считает, что уровень их знаний и

¹⁶ Education at a glance 2020. OECD Indicators. P. 136 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/> (дата обращения: 10.02.2021).

квалификации не соответствует выполняемой работе, в том числе 19% полагает, что он недостаточен, и 17% ощущает, что он превышает необходимый уровень¹⁷. Это накладывает дополнительные обязательства на государственные органы, которые призваны оказывать поддержку в трудоустройстве и организации процессов обучения граждан.

Критически важным направлением повышения уровня и качества жизни, улучшения популяционного здоровья является обеспечение доступа к качественным медицинским услугам, включая и дорогостоящие высокотехнологичные методы лечения. Затраты на медицинское обслуживание вместе с расходами на пособия по болезни в среднем составляют в высокоразвитых странах 30% от общих расходов на социальную защиту. В условиях пандемии государству необходимо было не только разрабатывать социально-экономические меры для поддержки экономики и сохранения доходов населения, но и проводить комплекс экстренных мер эпидемиологически-ограничительного характера, а также повышать готовность системы здравоохранения к резкому увеличению численности нуждающихся в медицинской помощи (см. подробнее [Чубарова, Шарова 2020]).

Для характеристики доступности медицинских услуг используется несколько взаимосвязанных показателей, включая охват населения, объем предоставляемых услуг, доступность с точки зрения расходов пациентов, расстояние до медицинского учреждения, время ожидания приема. Разный доступ к медицинским услугам можно зафиксировать среди стран, расходующих приблизительно одинаковый объем средств на медицину. Важнейшими направлениями реформирования систем здравоохранения в последние годы были увеличение доли средств, выделяемых на борьбу с хроническими заболеваниями за счет инфекционных, продвижение практик здорового образа жизни и расширение участия граждан в покрытии медицинских расходов, принимающего различные формы: прямой оплаты, разделения расходов, дополнительной оплаты услуг сверх установленных норм, неформальных платежей. В общем объеме расходов на медицину различные формы оплаты услуг пациентами составляют в среднем 15–20%, поднимаясь в ряде стран Восточной Европы и Балтии до 40%, в том числе и за счет значительной доли неформальных выплат. Для регулирования уровня расходов используются схемы установки верхних лимитов на суммарные или отдельные расходы пациента; кроме того, размеры соплатежей могут корректироваться с учетом материального положения, возраста, здоровья пациента [Baeten et al. 2018].

¹⁷ Promoting an age — inclusive workforce living, learning and earning longer. P. 129 // OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/promoting-an-age-inclusive-workforce_59752153-en (дата обращения: 10.02.2021).

Другой важный сегмент растущего спроса на услуги — долговременное обслуживание лиц, нуждающихся в постороннем уходе. Потребности в долгосрочном обслуживании — результат снижения физических и ментальных возможностей, часто, но не всегда связанный с возрастом. Эта поддержка включает помощь (формальную и неформальную со стороны членов семьи и друзей) в реализации ежедневных дел и разного рода необходимых действий и постоянный уход сиделок и может предоставляться в домах для престарелых или сестринского ухода, в региональных паллиативных центрах, больницах, на дому. Традиционно большинство экономически развитых государств в этой сфере в основном опирались на семью и учреждения институционального обслуживания, но в последние годы наметилась тенденция увеличения доли пациентов, получающих медико-социальные услуги на дому. С экономической точки зрения обслуживание на дому менее затратно, особенно в отношении лиц с невысоким и средним уровнем зависимости. Другая важная новация — более тесная интеграция медицинских и социальных услуг, внедрение систем социального сопровождения, включая оценку потребностей отдельных пациентов и их семей, разработку планов комплексного медико-социального обслуживания, направленных прежде всего на поддержание функциональных способностей получателей услуг.

Одним из ключевых вопросов социальной политики в области организации долгосрочного обслуживания является адекватное распределение расходов на эти цели между государством, получателем помощи и его семьей. В силу непредсказуемости расходов финансирование долгосрочного медико-социального, как и вообще медицинского обслуживания, наиболее эффективно проводить на основе объединения рисков и механизмов всеобщей предварительной оплаты, позволяющих перераспределять финансовое бремя возможных расходов между всеми участниками и облегчающих доступ нуждающихся лиц к необходимой помощи. По оценкам экспертов, недельная полная стоимость медико-социальных услуг для лиц с высоким уровнем зависимости может составлять от 100% до 650% (в зависимости от страны) медианного дохода пенсионера [Muir 2017]. Доля общественных средств при институциональном обслуживании по странам колеблется от 20% (США) до 80% и более (в Швеции и Нидерландах). А в целом государственные расходы на долгосрочное обслуживание находятся в пределах от 3,5% ВВП в Нидерландах до 0,05% в Италии и США [Rouzet et al. 2019]. Во многих странах (за исключением немногих государств с универсальными моделями) государственная помощь сконцентрирована на наименее обеспеченных с

серьезными проблемами со здоровьем. При этом с точки зрения доступности более эффективной является практика непосредственного предоставления услуг, а не выплата пособий на уход [Albertini, Pavolini 2015].

Важным вопросом, связанным с долгосрочным обслуживанием, является поддержка лиц, осуществляющих неформальный уход, особенно высокой интенсивности, который сочетается с низким уровнем оплачиваемой занятости, ухудшением здоровья и неблагоприятными пенсионными перспективами. Предусмотренная в странах финансовая поддержка неформальных опекунов может состоять из установленной властями почасовой заработной платы ухаживающим лицам, денежных пособий опекунам или самим получателям помощи. Существуют и другие варианты поддержки: оплачиваемый или неоплачиваемый отпуск по уходу, возможность использования гибких графиков работы, занятость неполное рабочее время. Среди лиц, осуществляющих неформальный уход, особенно широко представлена группа 50–64-летних. В этом возрасте сложно найти работу, когда необходимость такого ухода сокращается или отпадает, что неизбежно отражается на уровне занятости данной возрастной группы, особенно в странах с невысоким уровнем развития формальных структур системы долгосрочного ухода [Kolodziej et al. 2018]. Обеспечение качественного и доступного долгосрочного обслуживания и меры по соблюдению разумного баланса между занятостью и выполнением семейных обязанностей помогут снизить нагрузку на работников данной возрастной категории и позитивно повлиять на их занятость и материальное положение.

Еще одно ключевое направление государственной поддержки, играющее важную роль в обеспечении социальной мобильности, квалификационного роста, повышении статуса здоровья, — жилищная обеспеченность и доступ к качественным современным коммунальным, транспортным и цифровым услугам. Высокая стоимость жилищных расходов может стать блокирующим фактором для использования других категорий социальных услуг, в том числе образовательных и культурных. Стоимость жилья является наиболее значительной статьёй расходов для большинства домашних хозяйств в экономически развитых, в том числе европейских, государствах¹⁸. В среднем домашние хозяйства тратят на эти цели более 24% располагаемых доходов, а 10% семей — более 40%. Среди бедных домашних хозяйств доля тех, кто несет чрезмерные

¹⁸ В расходы на жилье (по программе обследований доходов и расходов домашних хозяйств EU-SILC) включаются выплаты по ипотеке, арендная плата, расходы на жилищно-коммунальные услуги, страховые платежи, расходы на регулярный ремонт для поддержания действующих систем жизнеобеспечения.

расходы на жилье (более 40% от доходов), увеличивается до 38% [Baptista, Marlier 2019, 65]. 43% жителей ЕС являются владельцами жилья, выплачивающими ипотечные и жилищные кредиты и займы, 26% — полными собственниками, 20% — квартиросъемщиками на рынке жилья, еще 6,5% пользуются льготами по оплате аренды (снимают социальное жилье или квартиры, частично оплачиваемые работодателем), и оставшаяся небольшая часть за жилье не платит¹⁹. Когда речь идет о жилищных расходах, наиболее уязвимой группой являются арендаторы, половина из которых в странах Европы тратят на текущие жилищные нужды не менее трети своих доходов и более четверти — 40% и более располагаемых доходов. Частные арендаторы составляют большую долю домашних хозяйств, находящихся в состоянии риска бедности по доходам. Несмотря на многочисленные инициативы по увеличению предложения социального жилья, спрос на него значительно превышает предложение. В основном страны ЕС больше внимания уделяют вопросам налоговых льгот и поддержки ипотеки для владельцев, чем стимулированию строительства доступного жилья, прежде всего социального. Например, во Франции на жилищную политику государство расходует 1,9% ВВП, в том числе на налоговые льготы — 0,7%, на жилищные пособия — 0,9%, на строительство жилья — 0,3%; в Нидерландах общие расходы составляют 1,4% ВВП, включая 0,8% на льготы, 0,55% на пособия и 0,05% на строительство жилья [Ibid., 70]. Отсутствие доступного жилья в крупных городах с более широкими возможностями трудоустройства и получения образования снижает трудовую мобильность.

Что касается доступности основных базовых услуг, включая энерго- и водоснабжение, транспортное сообщение и услуги связи, то можно выделить несколько подходов к решению этой комплексной задачи: использование схем выплаты гарантированных минимальных доходов, учитывающих «разумные» расходы на жилье и базовые услуги; выплата специальных пособий на оплату услуг (часто с разными критериями выплат для разных категорий услуг); фиксирование или снижение тарифов; предоставление гарантированных объемов снабжения даже в случаях неоплаты услуг; запрет на отключение в осенне-зимний период. Среди основных проблем — сложность процедур получения соответствующих пособий и льгот, ограничивающие их получение, неадекватность уровня поддержки, сохранение значительных объемов старого жилого фонда с низкой эффективностью тепло- и водоснабжения. Например, в Австрии пособия

¹⁹ Employment and social developments in Europe. 2019. Sustainable growth for all: choices for the future of social Europe. P. 152 // Publication office of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/747fefa1-d085-11e9-b4bf-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 10.02.2021).

на отопление покрывают 10–20% расходов на эти цели, а в Бельгии социальные тарифы на электроэнергию действуют только в отношении получателей гарантированного минимального дохода [Ibid., 116–117]. «Энергетическая» бедность охватывает значительную долю домашних хозяйств, в том числе и небедных. Доля населения, которая не может сохранять адекватную температуру в жилых помещениях, в среднем в 27 странах ЕС составляет 7,6%, среди бедного населения — 19% [Ibid., 62].

Серьезной проблемой в современных условиях становится тенденция усиления цифрового неравенства, связанного как со сложностями освоения новых технологий, так и материальными ограничениями, невозможностью приобретения необходимой техники или оплаты соответствующих услуг. Согласно данным специальных обследований, 42% граждан ЕС не имеют базовых знаний в области цифровых технологий. Доля лиц, которые заявляют, что не могут по экономическим причинам позволить себе использование интернета дома, в ЕС составляет 5,7%, но среди домашних хозяйств, относящихся к категории бедных, она поднимается до 16,4% [Ibid., 84–85].

Заключение

Современное социальное государство стоит перед необходимостью отвечать на новые вызовы текущего этапа развития: изменение параметров бедности, ограничение социальной мобильности, расширение сектора низкооплачиваемой и нестабильной занятости, обострение межпоколенных противоречий. Становится все более сложно интегрировать в рынок труда на устойчивой основе не только неквалифицированных работников, но и часть лиц со средним уровнем квалификации. Появляются новые категории бедного населения, прежде всего с низкой интенсивностью труда. Пока еще далекий от завершения коронавирусный кризис привел к усилению зарплатного и доходного неравенства и сегментации рынка труда. Беспрецедентные государственные вливания в социальную сферу многих экономически развитых государств, прежде всего для поддержания занятости, могли способствовать сглаживанию этих диспропорций лишь частично. Что не менее важно, пандемия и связанные с нею ограничения обострили вопросы обеспеченности населения, и не только его наиболее уязвимых слоев, качественными социальными услугами: образовательными, медицинскими, социального обслуживания, доступности цифровых технологий. Только система социальных пособий (бюджетных и страховых) неспособна решать весь комплекс задач, с которыми сталкиваются граждане, оказавшиеся в экстренной ситуации. Экономическая недоступность целого ряда социальных услуг является причиной формирования замкнутого круга материальной зависимости и социальной нестабильности, ведущей в том числе и к утрате человеческого капитала.

Список литературы:

- Григорьева Н.С. Социальная политика в России и мире: востребованность социального качества // Мир перемен. 2008. № 1. С. 82–95.
- Чубарова Т.В., Шарова М.А. Государственная политика как фактор, влияющий на развитие пандемии COVID-19: выводы для России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 84–107. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10110.
- Albertini M., Pavolini E. Unequal Inequalities: The Stratification of the Use of Formal Care Among Older Europeans // Journal of Gerontology. Series B. 2015. Vol. 72. Is. 3. P. 510–521. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbv038>.
- Balesta C., Tonkin R. Inequalities in Household Wealth Across OECD Countries: Evidence from the OECD Wealth Distribution Database // Statistics and Data Directorate Working Paper. 2018. No. 88. URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=SDD/DOC\(2018\)1&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=SDD/DOC(2018)1&docLanguage=En).
- Baptista I., Marlier E. Fighting Homelessness and Housing Exclusion in Europa. A Study of National Policies. Brussels: European Commission, 2019.
- Barr N. Economics of Welfare State. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Browne J., Immervoll H. Mechanics of Replacing Benefit Systems with a Basic Income: Comparative Results from a Microstimulating Approach // IZA DP. 2017. No. 11192. URL: <http://ftp.iza.org/dp11192.pdf>.
- Causa O., Hermanse M. Income Redistribution through Taxes and Transfers across OECD Countries // OECD Economic Department Working Papers. 2017. No. 1453. DOI: <https://doi.org/10.1787/bc7569c6-en>.
- Hassler J., Moar J., Zeira J. Inequality and Mobility // Journal of Economic Growth. 2017. Vol. 12. P. 235–259.
- Kolodziej I.W., Reichert A.R., Schmitz H. New Evidence on Employment Effects of Informal Care Provision in Europe // Health Services Research. 2018. Vol. 53. Is. 4. P. 2027–2046. DOI: 10.1111/1475-6773.12840.
- Korpi W., Ferrarini T., Englund S. Women's Opportunities under Different Family Policy Constellations: Gender, Class and Inequality Tradeoffs in Western Countries Re-Examined Social Politics // International Studies in Gender, State and Society. 2013. Vol. 20. Is. 1. P. 1–40. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxs028>.
- Marchal S., Kuypers S., Marx I., Verbist G. Singling Out the Truly Needy: The Role of Asset Testing in European Minimum Income Schemes // Euromod Working Paper. 2020. No. 04/2020. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/228403/1/1697309607.pdf>.

- Muir T. Measuring Social Protection for Long-Term Care // OECD Health Working Papers. 2017. No. 93. DOI: <https://doi.org/10.1787/a411500a-en>.
- Olivetti C., Petrongolo B. The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries // Journal of Economic Perspective. 2017. Vol. 31. Is. 1. P. 205–230. DOI: 10.1257/jep.31.1.205.
- Pavolini E., Van Lancker W. The Matthew Effect in Childcare Use: A Matter of Policies or Preferences? // Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25. Is. 6. P. 878–893. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1401108>.
- Rouzet D., Sanchez A., Renault T., Roehn O. Fiscal Challenges and Inclusive Growth in Ageing Societies // Economic Policy Paper. 2019. No. 27. URL: <https://ideas.repec.org/p/oec/ecoaab/27-en.html>
- Salvatory A., Manfredi T. Job Polarization and Middle Class: New Evidence on the Changing Relationship Between Skill Levels and Household Income Levels from 18 OECD Countries // OECD Social, Employment and Migrations Working Papers. 2019. No. 232. DOI: <https://dx.doi.org/10.1787/4bf722db-en>.

Дата поступления: 19.02.2021

References:

- Grigorieva N.S. (2008) Sotsial'naya politika v Rossii i mire: vostrebovannost' sotsial'nogo kachestva [Social policy in Russia and the World: relevance of social quality]. *Mir peremen*. No. 1. P. 82–95.
- Chubarova T.V., Sharova M.A. (2020) Public Policy as a Factor Influencing Spread of COVID-19 Pandemic: Lessons for Russia. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 83. P. 84–107. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10110.
- Albertini M., Pavolini E. (2015) Unequal Inequalities: The Stratification of the Use of Formal Care Among Older Europeans. *Journal of Gerontology. Series B*. Vol. 72. Is. 3. P. 510–521. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbv038>.
- Balesta C., Tonkin R. (2018) Inequalities in Household Wealth Across OECD Countries: Evidence from the OECD Wealth Distribution Database. *Statistics and Data Directorate Working Paper*. No. 88. URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=SDD/DOC\(2018\)1&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=SDD/DOC(2018)1&docLanguage=En)
- Baptista I., Marlier E. (2019) *Fighting Homelessness and Housing Exclusion in Europa. A Study of National Policies*. Brussels: European Commission.
- Barr N. (2012) *Economics of Welfare State*. Oxford: Oxford University Press.

- Browne J., Immervoll H. (2017) Mechanics of Replacing Benefit Systems with a Basic Income: Comparative Results from a Microstimulating Approach. *IZA DP*. No. 11192. URL: <http://ftp.iza.org/dp11192.pdf>.
- Causa O., Hermanse M. (2017) Income Redistribution through Taxes and Transfers across OECD Countries. *OECD Economic Department Working Papers*. No. 1453. DOI: <https://doi.org/10.1787/bc7569c6-en>.
- Hassler J., Moar J., Zeira J. (2017) Inequality and Mobility. *Journal of Economic Growth*. Vol. 12. P. 235–259.
- Kolodziej I.W., Reichert A.R., Schmitz H. (2018) New Evidence on Employment Effects of Informal Care Provision in Europe. *Health Services Research*. Vol. 53. Is. 4. P. 2027–2046. DOI: 10.1111/1475-6773.12840.
- Korpi W., Ferrarini T. Englund S. (2013) Women’s Opportunities under Different Family Policy Constellations: Gender, Class and Inequality Tradeoffs in Western Countries Re-Examined Social Politics. *International Studies in Gender, State and Society*. Vol. 20. Is. 1. P. 1–40. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxs028>.
- Marchal S., Kuypers S., Marx I., Verbist G. (2020) Singling Out the Truly Needy: The Role of Asset Testing in European Minimum Income Schemes. *Euromod Working Paper Series*. No. 04/2020. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/228403/1/1697309607.pdf>.
- Muir T. (2017) Measuring Social Protection for Long-Term Care. *OECD Health Working Papers*. No. 93. DOI: <https://doi.org/10.1787/a411500a-en>.
- Olivetti C., Petrongolo B. (2017) The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries. *Journal of Economic Perspective*. Vol. 31. Is. 1. P. 205–230. DOI: 10.1257/jep.31.1.205.
- Pavolini E., Van Lancker W. (2018) The Matthew Effect in Childcare Use: A Matter of Policies or Preferences? *Journal of European Public Policy*. Vol. 25. Is. 6. P. 878–893. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1401108>.
- Rouzet D., Sanchez A., Renault T., Roehn O. (2019) Fiscal Challenges and Inclusive Growth in Ageing Societies. *Economic Policy Paper*. No. 27. URL: <https://ideas.repec.org/p/oec/ecoaab/27-en.html>.
- Salvatory A., Manfredi T. (2019) Job Polarization and Middle Class: New Evidence on the Changing Relationship Between Skill Levels and Household Income Levels from 18 OECD Countries. *OECD Social, Employment and Migrations Working Papers*. No. 232. DOI: <https://dx.doi.org/10.1787/4bf722db-en>.

Received: 19.02.2021